

**ЧАШКА
КОФЕЙНОЙ
ХРОНИКИ**

ВЛАДИМИР РОСС

Владимир Росс

Чашка Кофейной

Хроники. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22472250

ISBN 9785448358197

Аннотация

Моя страсть к шахматам – помогла выжить там, где законы карточной игры и долг чести превыше всего. Гроссмейстеры боятся играть с неудобным соперником. Я не обучался шахматам, как они, и действую не по канонам классической битвы. Мне удаётся просчитывать комбинации карточных шулеров, одерживать победу там, где ловкость рук граничит с фантастикой.

Содержание

Чашка Кофейной Хроники	5
Игрок	9
Криминальная буффонада	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чашка Кофейной Хроники

Книга первая

Владимир Росс

Дизайнер обложки Надя Орлик

© Владимир Росс, 2017

© Надя Орлик, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-5819-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чашка Кофейной Хроники

Моими первыми слушателями, как, впрочем, и критиками стали добрые друзья. И происходило это в одной старинной кафешке на Ист Ривер Сайде. Собирались мы там исключительно по вторникам, пили кофе и я, перебарывая своё смущение скромно читал господам эмигрантам рассказ из коллекции «Чашка Кофейной Хроники.» Два повидавших жизнь криминальных авторитета оказались первоклассными слушателями и критиками. Факт остаётся фактом – их мнение для меня дороже всяких продаж на Амазоне. Сеня прибыл в Америку ещё в первую волну эмиграции. Он довольно бойко говорил на английском, со знанием доки рассуждал об американской политике, успел жениться на чистокровной американке, и когда от него никто не ожидал вставлял свои ржавые 25 центов критики в разговор старых добрых приятелей:

– Вольдемар, ну это вообще никуда не годится! Ты пишешь о карманнике так, будто он мёртвая душа. Оживи его. Назар человек, который заслуживает похвалы, а ты о нём как о бандите. Ладно мы, прошедшие Колыму и Гулаги, на нас чистого места не осталось, а он-то шпанёнок от природы даровитый и благородный. Он чистый вор, не запятнавший себя всякими там разбоями.

Пропуская реплику мимо, я тем не менее брал на воору-

жение всё что он говорил, и уже дома быстро переписывал часть повествования следуя его замечаниям.

Анастас был менее разговорчив. Родная Греция выдворила его из страны за грехи криминальные, и с тех пор он нашёл пристанище в одном из американских штатов под крылом греческой общины. Он обычно часто кивал и ухмылялся, когда мой рассказ заходил за его мнимое воображение, тёр переносицу, давая понять, что он бы так не поступил, но всегда дослушивал рассказ до финала. Познакомил нас Сеня, которого я знал уже более тридцати лет. Не знаю какими делами они тут занимались, но то что они находили время на несколько чашек кофе и мои бредни возвышало их в моих глазах как не возвышают титулы и звания в глазах придиричивого общества. Я благодарен им, и может быть отсюда и возникла идея этих кофейных рассказней из серии «Дьявольское Совпадение». Итак, сегодня вторник. Мы всегда встречаемся ближе к полудню. И если я не поспешу, то первую чашку они опрокинут без меня.

Уже у кафешки я заметил синий кадиллак Сени и его вечного сопровождающего водителя с лицом бультерьера. Анастас жил неподалёку, поэтому в кафе приходил пешком. Но я знал, что он уже сидит за столом вместе с Сеней и бодро обсуждает проблемы греческой общины. Свежий кофейный аромат придал мне дополнительного ускорения и спустя мгновение мы приветствовали друг друга тёплыми объятиями.

– Вольдемар, опаздываешь милок, не гоже так со старыми урками. Не уважение проявляешь, – ехидничал Сеня.

Анастас лишь привычно тёр свою переносицу.

– Дорогие мои. Виноват, каюсь. С кем не бывает. Засиделся над своим «Игроком». Вот принёс на обозрение высокоуважаемым критикам, – размахивая рукописью в руках я чуть было не задел выпяченные подбородки друзей.

Сеня крякнул от удовольствия, – то ли ему приятно было осознавать себя в роли критика, то ли дружба со мной доставляла такую неподдельную радость, но уже через мгновение весь его вид просто кричал о готовности выпитывать вместе с кофе интересные моменты новой истории.

Я редко использую клише при написании новых рассказов. Мне нравится использовать истинные истории в своих работах. Иногда я просто брал реальные события, приукрашивал их и раскладывал на абзацы. Так появилось много рассказов. И почти добрая половина их основана на реальности. Но есть и такие, которые совсем не укладываются в привычную жизнь обывателей. Сюжеты к ним просто выдумывались. И скрывать таковые мне не хотелось бы.

– Ну что там за «Игрок».

Я знал о великих способностях игры в карты Сени и Анастаса. Знал о еженедельных баталиях этих старых друзей. И поэтому мне было вдвойне интересно как же они воспримут мой новый рассказ. Кофе постепенно придало уверенность, я перелистнул свою рукописную страницу, поднял

глаза на выражающие полную идиллию лица друзей и приступил к чтению.

ИГРОК

ВЛАДИМИР РОСС

Игрок

В преступном мире деньги имеют много имен. Кто-то употребляет слово «капуста». Другие выражают трепетные чувства откровенней – лавэ, филки. Но наиболее полно раскрывается функциональная особенность денег ёмким определением – «воздух». Генератором такого воздуха, необходимого для жизни не меньше, чем наличие его газообразного омонима, является игра.

Алексей жил игрой. Вряд ли во всем многообразии правил, принципов и сути нашлась бы игра, с которой он не был «на ты». Феноменальная память и постоянные многолетние тренировки позволяли ему с легкостью добиваться побед в любом проявлении метафизики азарта, но изюминкой, излюбленным инструментом прибыльного самоутверждения, оставались нарды.

Впервые своего отца – заблудшего в тюрьмах и лагерях уголовника по кличке Большой – Алексей увидел лет в восемь. Просто позвонили в дверь и мальчишка, бросившись открывать, оказался лицом к лицу с седовласым мужчиной в шикарном черном костюме, составляющем вместе с надвинутой на лоб фетровой шляпой впечатление презентабельности и жизненной удачи. Незнакомец улыбнулся рядами золотых коронок и, протянув пацану маленький сверток, угрюмо осведомился:

– Ну шо, шкет, zenки вылупил? Доберусь и до тебя, а пока – где там мать твоя, шлюха?

Пацан залился краской. Этого оскорбления он прощать не собирался. Поэтому, развернув подарок и недоуменно покрутив в руках обнаруженные в кожаном мешочке обыкновенные костяные кубики с точками, Леха швырнул отцовский сувенир в самый пыльный угол кладовки и уже начисто забыл о них, как через неделю грубый окрик заставил его вздрогнуть:

– Ах ты, мухомор недозрелый, черт закатай вату. А ну, бегом сюда!

Лёшка впервые в жизни по-настоящему испугался. Чего ждать от папаша, разнообразившего их жизнь пестрым матом и чужими непонятными правилами, он и представить не мог. Набравшись смелости, мальчика, вжав голову в плечи, прошёл в комнату отца и остановился перед ним, исподлобья разглядывая богатые нательные росписи.

Родитель кивнул на стол, где лежали уже знакомые кубики и спросил:

– Что это?

Казалось, отцовские глаза мечут молнии, а голос гремит раскатами грома.

– Я выбросил их, – тихо прошептал мальчик.

– Базар идет не за проступки. Пока я только интересуюсь, знаешь ли ты, что это?

– Кубики...

– Какие кубики?! – папашу едва не хватил удар. Выпучив глаза, он взревел. – А может, шарики? Нет? Тогда запоминай, олух, нормальные люди кличут их «зариками»!

Лёха хлопнул носом. Отец как-то быстро успокоился, вздохнул и горячо заговорил:

– Сынок, это хлеб, который ты кушаешь. Это воздух, который делает настоящим мужчиной. Никогда, слышишь, никогда не смей пренебрежительно относиться к ним. Зарики надо уважать, тогда и они ответят тебе тем же.

Хлопая глазами, мальчишка молчал, не понимая, что хочет объяснить отец.

– Понятно – каша, нара и параша. Я появился вовремя. А ну, загадай любой камень!

– Я? – недоверчиво переспросил Леха.

– Именно ты. Давай не буксуй.

Недолго думая, пацан брякнул:

– Пять – три.

– Хороший выбор, – родитель просиял, – а теперь смотри, – Он зажал зары в кулаке, тихонько прошептал в него таинственные слова и, словно циркач, красивым жестом кинул кубики на журнальный столик.

Лешка ошалел. Еще никогда волшебство не витало так близко. Он недоверчиво осмотрел зарики со всех сторон и, передав обратно кудеснику, попросил выкинуть пять-пять.

Отец, внимательно следя за горящими глазами пацана, спрятал зары в ладони и повторил ритуал с заговором. Вы-

павший пятый куш навсегда вогнал в сердце сына любовь к игровым чудесам.

Два месяца после блестящего бенефиса Лёха только то и делал, что учился различным фокусам. С тех пор он никогда не расставался с отцовским подарком, твердо уверовав в магическую силу волшебных камней.

Как-то утром отец подозвал пацана к себе, усадил на колени и сурово приказал:

– Сын, пообещай мне, что если со мной случится беда, то ты сумеешь позаботиться о матери.

– Папа, – Лешка так испугался, что впервые назвал этого странного дядьку папой, – а что может случиться?

– Хорошо, что по масти «игрового» тебе стало запахло бросаться словами, но сейчас не то кино. Обещай и не спрашивай!

– Клянусь!

– Пообещай также, что вместо дурацких машинок и солдатиков ты будешь играть в шашки, нарды, шахматы, карты и даже когда освоишь все премудрости этого ремесла, то не предложишь первым играть «на воздух». А если я исчезну, найдешь в моём бауле блокнот со списком должников и заберёшь деньги себе.

– Слово.

– Вот и хорошо...

Вскоре отец исчез так же внезапно, как и появился. Мать, не в силах сдержать слезы, подошла к сыну и прижала его

к себе. Лешка всё понял без объяснений.

Он не забыл про данное слово. От скуки в школе, Алексей сбегал с опостылевших химий, историй, географий и мчался в шахматно-шашечный клуб. Найденные в отцовских полках книги с математическими и карточными фокусами заменили ему внеклассное чтение. Память у парня была феноменальной. Зрение отличное. В шестом классе, вытянув гуманитарные предметы на тройки, он гордился пятерками по математике, физике, геометрии и званием чемпиона области по шахматам среди школьников.

Матери одной не удавалось обеспечивать растущие с возрастом потребности сына, тем более покупать ему красивые модные вещи. Единственное, что свято соблюдалось изо дня в день – это получаемый от неё рубль на обед. Когда же она заболела, слегла и осталась без работы, наступил голод. Тяжелым взглядом волчонка окидывал Алексей гарцующих перед ним сверстников в фирменных «Адидасах» и «Найках».

В восьмом классе, когда он уже подумывал о бессмысленности учебы в пустой, вечно голодной жизни, одноклассник, прозванный Сосунком за любвеобильную опеку своего папаши – очень большого начальника, подошёл на перемене к доске и во всеуслышание заявил:

– Ну что, желторотые, сыграть никто не желает?

Алексей оторвался от заумной шахматной задачи и уточнил:

– Во что?

Достав из кармана колоду карт, Сосунок мастерски запустил её веером из руки в руку и усмехнулся:

– Понятно, что не в крестики-нолики. Шахматы тоже для фраеров интеллигентских. Серьёзные люди балуются картишками.

Леха скромно отказался.

– Что, мама денег не даёт? Могу открыть кредитную линию!

Улыбнувшись в душе, Алексей принял вызов. Договорились о ставке в рубль. За несколько лет, он, на копеечных пирожках сэкономил около ста рублей. Соглашаясь на игру Леха обдумывал не выигрыш нескольких бумажек, а как решить семейные проблемы. Денег-то у куркуля хватает, но попробуй не вспугни самоуверенного дурочка!

Первый рубль Алексей проиграл. Специально. И проигрывал каждый день. Оставалась всего тридцатка, но он поднял ставку до червонца. Когда все деньги уплыли, это известие здорово расстроило Сосунка и тот, бравируя благородством, решил дожать соперника:

– Предлагаю ва-банк – пан или пропал. Тысячу на кон. И пусть неудачник потом плачет.

Школьники потеряли дар речи. Сосед по парте двинул Алексея локтем и прошептал:

– Даже и не думай. Это западня.

Но Леха не только согласился, но и «неожиданно» выиграл. Выгребая из кармана наличность, Сосунок насчитал

триста рублей и пообещал оставшееся утром. С трудом сдержав рвущуюся из груди радость, Алексей заспешил домой. Уже у двери он услышал, как Сосунок зло обмывал его кости.

– Счастье лоховское – сорвать кусок и отвалить, пока не отобрали.

Леха развернулся и, пристально глядя в глаза обреченного, сделал ответный жест:

– Если есть желание продолжить игру, то всегда к твоим услугам.

Задражавшие руки одноклассника предвосхитили ответ.

– Это мужской базар. Предлагаю на кон семьсот, которые я должен, плюс ещё по тысячи с носа.

«Он не просто заглотил крючок», – подумал Алексей, – «наживка уже в районе толстого кишечника».

– Раздавай.

Раскинув карты, Сосунок мешал Лехе сосредоточиться. Не обращая внимания на нетерпеливого соперника, обвиняющего его в затягивании игры, Алексей внимательно обдумывал каждый ход, сбрасывал с воображаемой картинки выходящие карты и, когда на руках остался последний набор, все взятки легли под его правый локоть.

Теперь уже, сопровождаемый сочувственными взглядами очевидцев, первым покинул стол Сосунок.

На следующее утро Лехины сбережения составили две тысячи. Проигравший, разбив огромную пузатую копилку –

предмет восторгов гостей семьи, рассчитался сполна и жалобно предложил новую игру. Лешка наотрез отказался:

– Ты играешь не ради самой игры, не ради удовольствия, а в погоне за деньгами. Но их-то тебе у меня никогда не выиграть. Зачем тебе лишние проблемы?

Оставив за спиной завистливые взгляды товарищей, Алексей заспешил в больницу. Полторы тысячи рублей легли на тумбочку у кровати мамы. Она заплакала. Пряча рукой выпирающую на шее опухоль, коротко попросила:

– Верни.

Леша, долго стуча зубами у кованой калитки дорогого особняка, терпеливо ждал, когда ему откроют. Огромный «кавказец» следил в узенькую щель забора за настырным пришельцем, и пацан едва дышал, боясь лишним движением разозлить и без того свирепую собаку. Наконец высоченный усатый дядька, отогнав агрессивного сторожа в вольер, направился к нему.

– Алексей, если не ошибаюсь?

– Да. Здравствуйте. Я пришел вернуть выигрыш.

– Понял. Прошу в дом, там и обсудим нюансы.

Усадив гостя в мягкое кожаное кресло, приветливый господин задымил толстой сигарой и, разливая в чашки кофе, с серьезным видом заметил:

– Твой поступок делает тебе честь, но это не честь игрока. Ты ведь, как я понимаю, претендуешь на это имя?

Леха обжегся горячим напитком и гордо кивнул.

– Хорошо, в таком случае я тем более деньги не приму.

– Почему? Здесь же всё до копейки!

На пороге появился заплаканный Сосунок.

– Ты не понял, малыш, – глаза усатого буравили Лешкину переносицу. – Дело не в деньгах, а в самом понятии долга. Тот, кто не может его отдать, зовется фуфлыжником и для порядочного человека подобный эпитет – несмыываемый позор. Мне остается только радоваться, что у оболтуса, – вспомнив недавнюю порку, застывший у двери Сосунок жалобно всхлипнул, – хватило ума больше не играть. В общем, это не наши деньги, а твои. Хочется только, чтобы ты ими правильно распорядился. Я слышал у тебя больна мать? Думаю, лишние средства тебе не помешают.

– Мама не хочет брать их.

– Я позвоню и всё ей объясню.

– Она сейчас в больнице. – признался Алексей.

– Тогда я немедленно напишу ей записку. Ей и главному врачу. Он приготовит список необходимых лекарств, – и дядька, считая тему исчерпанной удалился в кабинет, наградив по дороге сыночка увесистым подзатыльником...

Прошло полгода, и Алеша остался один – умерла мама. Его жизнь полностью изменилась. Возникшая проблема – как зарабатывать себе на жизнь – заставила распрощаться со школой и перебиваться случайными заработками. Но везло не всегда. В один из таких голодных дней Леха отыскал в отцовском мешке потрепанную записную книжку, нашёл

список упомянутых должников и робко набрал номер телефона.

– Кто это?

– Сын Большого.

– А-а..., – и в трубке настороженно замолчали. Не спешил и Алексей.

– Ну как... чего тебе? – владелец грубого голоса явно нервничал.

– Мне надо познакомиться с нужными людьми. Хочу играть. Думаю, этой услугой ты рассчитаешься.

– Без каких-либо претензий в будущем?

– Ты что во мне балабола увидел? – вспомнив отцовы уроки, к месту ввернул подходящий оборот Леха.

– О кей.

Так он ступил на скользкую стезю.

Свобода скоро сменилась колонией. Год незаметно сменился следующим и, привыкнув к однообразию лагерной жизни, Леша принял зону вторым домом. Стали появляться деньги, влиятельные друзья, но выше всего оставалась игра. Имя Лехи Большого прочно заняло место в элитарной верхушке игровых. Многие известные «шпилевые» специально договаривались с администрацией за долгосрочные свидания, чтобы увидеть мастера и сразиться с ним. Честно проигрывая целые состояния, они не жалели о поражении, ибо честь сразиться с лучшим выше любых материальных выгод.

Алексей давно перестал садиться за стол с дилетантами.

В Москве его ждал выигранный шикарный особняк. Пяти-сотый «Мерин» второй год скучал в гараже под зоной, тоскуя за хозяином. В солидном австрийском банке лежал крупный денежный приз – итог серьезной игры со швейцарскими шулерами, попортившими нервы не одному казино. Не хватало только семьи.

Слава о мастере дошла и до уральской глубинки. Тщедушный старый мужичонка, вытянув с подпола выдавший виды чемодан, купил билет на поезд и отправился на встречу с Большим, который на днях уже освобождался.

Встречать лучшего съехались игровые со всего СНГ. Обнимались под пенные салюты шампанского, торжественно поздравляли со свободой, приглашали к себе. И вдруг, в эту разодетую, благоухающую достатком толпу втиснулся побитый жизнью старик и попросил взглянуть на Большого. Удивлённые авторитеты расступились перед странным дедом. Алексей бросил мимолетный взгляд на любопытного и молча прошёл мимо. Вкрадчивый голос, выпустивший в спину ехидный смешок, заставил его замереть.

– «В натуре», не так страшен черт, как его малюют. Говорили о короле, а думали о его конюхе.

Время словно остановилось. Встречающие замерли, вопросительно глядя на Большого. Пронзительная тишина только усиливала напряжение и все ждали реакции Лехи, надеясь, что он с достоинством разрядит обстановку.

Большой медленно развернулся, внимательно посмотрел

на руки старика, испытывающе скользнул по мятому пиджаку и, наконец, встретился с хитрющим взглядом неучтиво-го деда. Впервые за много лет Леха почувствовал неуверенность и тревогу. Он не узнал собственного голоса:

– Может, старый, хочешь сыграть со мной?

– На что? Казна в порядке? – деловито осведомился дедок.

– Я принимаю любую ставку.

Старик бодро подскочил к Большому и нагло осклабился:

– На всё, что имеешь!

Свита зашумела. Одни предлагали просто накостылять заартачившемуся крестьянину, другие открыто усомнились в его душевном здоровье, кто-то выкрикнул:

– Дед, а что, кроме лаптей, поставишь ты?

Алексей недовольно поднял руку, пытаясь остановить зашевелившегося старца, но поздно. Тот щелкнул замком допотопного чемодана и, подняв крышку, представил особо сомнительным душещипательную гладь зеленого моря долларов США. Присвистнув от удивления, игровые с интересом ожидали развязки.

– Карты! – решил Леха.

Вскоре ближайший «Хилтон» вместил в свой лучший номер гудящую толпу людей. Игроки оговорили правила, раздали карты и начали. Шесть напряженных часов длился поединок. Обычно в серьёзных играх используются любые даже не очень чистые приёмы. Отвлекают, грубят, угрожают, но здесь всё было иначе. За шесть часов ни один из игроков

не проронил ни слова.

И вот последний круг. Дед поднял со стола карты и ждал слова Большого. Алексей не спешил – на руках полный бескозырной набор. Он медленно опустил руку в карман пиджака и под внимательным взглядом старика извлек на свет талисман – два потрескавшихся от времени зарика. Спокойно окинув карты, зары, деда, Большой открыл набор и произнес:

– Полный бескозырный.

Дед, не переворачивая своих, усмехнулся:

– Ты проиграл.

Карты так и остались нетронутыми. Какая-то дьявольская сила заставляла верить его словам.

Старик, задумчиво почесав затылок, выдал:

– Предлагаю отыгратся. На зариках. Выкинешь больше, чем я – получишь всё назад. Проиграешь – больше никогда тебе не играть. Идет?

Жесткие условия разъярили и без того взвинченную толпу. Ближайший друг и партнер по игре Валет громко выругался и серьезно потребовал немедленно выкинуть старого беса в окно. Но Большой молча взял зары и сделал бросок. Одобрение болельщиков, казалось всколыхнуло стены.

– Шесть – пять!

Дедуган озабоченно заохал и, крикнув, важно поднял кубики. Его кулак взлетел к губам, принял таинственное наставление и выкинул камни особым способом.

Лешка застыл и боялся поверить своему счастью. Свита в который раз тревожно зашептала.

– Шесть – шесть... Да это дьявол... Надо переиграть...

Валет потянулся за ножом, но Большой вскочил из-за стола и бросился к старику.

– Отец... отец! – едва не плакал Леха.

– Как я долго ждал тебя...

Они обнялись и, не замечая никого вокруг, покинули номер.

– Нет, это что-то новое, Вольдемар! – После длительной паузы Сеня почесал затылок и впервые за все наши посиделки выразил полное благоговение к прочитанному только что рассказу. – Я тебе так скажу. Это можешь нести издателю Нью-Йоркера в печать. Возьмут, как пить дать возьмут. У тебя появился «ешкин врошкин» стиль, которого нам с Анастасиком так не хватало. Вот это вещь. Неужто наши посиделки на тебя так повлияли. Признаю, настоящий Сальвадор Дали.

– Дали, Сеня, художник...

– А я тебе о чём, ты так расписал мне этого короля, что тому Дали при жизни не снилось. Просто пипец, красавчик!

Анастас после взметнувшегося на него строгого взгляда Сени закивал:

– Да, Вовчик, это бьёт все рекорды.

– Ну уркаганы, ну братья воры, вы прям как сговорились.

Может мне чего покрепче себе заказать, чтоб вас лицемеров на чистую воду вывести.

– Во дела, не верит. Это ты брат нас так огорчишь. Говорю же супер! Давай-ка нам в следующий раз что-нибудь в таком же духе и стиле. Сможешь? – Сеня источал истинную заинтересованность, как будто впервые открыл для себя нового автора.

– Без проблем, постараемся с Музой. Она у меня в последние дни совсем бескорыстно добрая.

– Вот и постарайся. А сейчас предлагаю пройтись по любимому парку. Подышим воздухом, вспомним наших, и пожурим американцев, которые в последние дни как с цепи сорвались на наш русский люд...

К творчеству сегодня мы больше не возвращались. Говорили о политике, русских в эмиграции и подставляли свои шевелюры солнцу, которое излучало свою приветливую улыбку для каждого, кто в нём нуждался. Эндорфину мы получили сполна, а позже обнявшись, каждый вернулся к своему привычному укладу жизни.

Всю неделю, я работал над новым рассказом «Silver Absolution» и не мог дождаться вторника. И когда вечером понедельника звонил Сене в подтверждение нашей встречи, вдруг обнаружил что абонент вне зоны доступа. Какие-то далёкие нотки тревоги прокатились внутри, но я не придал им особого значения, а на следующий день бежал к нашей кафешке особым аллюром.

Внутреннее ощущение тревоги ярко вспыхнуло перед площадкой кафешки. Сенин кадиллак, привычно наблюдаемый мной все последние вторники, отсутствовал. Перебарывая свои внутренние сомнения я вбежал в зал, и бегло оглядев всех посетителей знакомых лиц не нашёл. Пальцы упрямо набирали номер Сени, но привычный голос оператора вторил – абонент вне зоны действия сети. Тогда я полистал в своей записной книжке и с облегчением вздохнул, обнаружив номер Анастаса. Голос на другом конце звучал хрипло:

– Вольдемар, не по телефону. Я скоро подтянусь к тебе, там и поговорим.

Мне пришлось выпить несколько чашек кофе, прежде чем знакомый греческий профиль возвестил о своём появлении. Лицо Анастаса оставалось непроницаемым, и я, раздраемый любопытством, не сдержался и прокричал:

– Да что чёрт возьми происходит?

– Тише, тише Вольдемар, – переносица Анастаса, казалось провалится от его усиленных потираний большим пальцем. – Могу сказать, что внеклассное чтение проведём без Сени. Всё что мне известно, так это то что он вынужден залечь на дно.

Не знаю каким эпитетом выразить моё изумление, но на моём лице запросто можно было рисовать картину «Последний день Помпеи», уж больно краски подобрались мрачноватые. Я всегда верил в честность и порядочность

старых Воров, но чтобы вот так вдруг ни с того ни с сего у кого-то из них в семидесятилетнем возрасте возникла необходимость залечь на дно – это было выше моего понимания.

– Ты Вовчик горячку-то не пори. Пришёл прочесть рассказик, давай, читай. А я и без Сени разведу критику на должном уровне. Там уж больно непонятная история вышла. Сначала стулья с деньгами и рассказом. А там и поговорим, лады?

– Как скажешь брат старший. Рассказ из разряда: «Везде неотвратимо».

Так я впервые решил выложить свой рассказ одному Анастасу.

**КРИМИНАЛЬНАЯ
БУФФОНАДА**

ВЛАДИМИР РОСС

Криминальная буффонада

Мало кто из жителей города не знал о состоятельности и респектабельности Юрия Николаевича Бахарева. Известный меценат, филантроп в лучших традициях благотворительности, хороший семьянин – отец двух чудесных дочерей, да наконец просто джентльмен, как говорится, во всех отношениях поражал своими добротой и участливостью в разрешении любых близких городу проблем. Уже никто не задавался вопросом, когда добропорядочный господин впервые появился в городе. Казалось, он прожил здесь целую вечность, ведь люди быстро привыкают к чужой щедрости. Не случилось и недели, чтобы горожане не узнавали об очередном благородном начинании Юрия Николаевича. И в самом деле, нуждается церковь в средствах на ремонт и реставрацию – духовники в черных сутанах спешат к нему, детский дом построить – чинуши стучатся в те же ворота, молодые дарования поддержать – сметливые продюсеры ловко получают аудиенции и решают свои вопросы. Тем, кто не злоупотреблял его отзывчивостью, получить патронаж и финансирование не составляло особого унизительного труда. Достаточно разыскать самый вызывающий особняк, позвонить в домофон, представиться и пояснить цель визита. Обаятельный голос домашнего секретаря после небольшой паузы называл дату и время встречи, после чего оставалось пунк-

туально явиться и просить, просить, просить. Некоторые чиновники так часто появлялись в его роскошно обставленной приемной, что начинаешь наполняться чувством гордости за наших государственных мужей, как много насущных проблем они решают!

Если человек любит помогать и с неприкрытой радостью облегчает достижение многих благих общественных целей, разве не верх неблагодарности соваться с какими-то глупыми личными интересами? Когда-то, лет пять назад, у одного из городских администраторов возникло сомнение в порядочности местного спонсора. Поговаривали даже, что была назначена официальная попытка проследить пути неслыханного богатства. Но с пытливым администратором вскоре случилась нелепая трагедия – автомобильная катастрофа. И только срочное вмешательство немецких нейрохирургов могло спасти жизнь ревизора. Юрий Николаевичу как всегда, великодушно помог. С тех пор желающих брать грех проверок святого человека не оказалось.

Бахарев являлся соучредителем нескольких компаний и, тратя всю свою кипучую энергию на общественные дела, быстро попал в список почетных жителей. Но внушительное обилие добродетелей густым частоколом скрывало Юрия Николаевича от любопытных взглядов. Большую часть времени почетный гражданин проводил дома, дрейфуя от приемной к кабинету и обратно. По субботам бдительные соседи становились очевидцами традиционного выезда. Кортж

из трёх глазастых «Мерседесов» выползал из ворот подземного гаража, и стремительно набирая скорость направлялся за город. Первая приходящая на ум мысль – что Бахарев, до тошно следя за безукоризненной репутацией, позволял себе раскрыть душу в понятных каждому мужику забавах исключительно на стороне, находила у дружелюбных сограждан понимание. Правда, злые языки утверждали, что для разгула в соседнем городе бронировался целый ресторан, а то и развлекательный комплекс, и за один такой вояж можно было запросто отремонтировать все дряхленькие городские дороги или закупить для местной поликлиники вполне сносное оборудование, но большинство посмеивалось над фантазиями завистников, считая, что речь идёт о хорошо спрятанной загородной вилле. Вся эта таинственность, окружающая Юрия Николаевича, венчалась ещё одной странностью, о которой, впрочем, мало кто знал – мучительными кошмарами. Приглашаемые неврологи, психоаналитики и доктора получали жесткое предупреждение о бестактности копания в душе достопочтенного пациента и, оставляя бесчисленные рецепты, уходили, пожимая плечами, – с виду организм Бахарева дышал здоровьем. Так или иначе, все девять лет его сну предшествовал приём таблеток. Менялись только их названия.

В особняке круглосуточно присутствовали крепкие молодые люди, исполняющие обязанности телохранителей. Дежурный бодигарден всегда располагался в смежной со спаль-

ней комнате, трое остальных неустанно вышагивали по двору, лишь с рассветом скрываясь в отведённой для персонала пристройке. Бахарев чрезвычайно ревностно относился к охране. Просыпаясь ещё затемно, он вслушивался в тишину, различая осторожные шаги почетного караула и заглядывал в соседнюю комнату. Малейшие сомнения в качестве исполнения защитных функций, будь то приглушённые смешки за окном или заспанное лицо телохранителя, выливались в немедленное увольнение всей «сикрет сервис».

Как всегда, проснувшись посреди ночи, Бахарев растерломившие от транквилизаторов виски и чертыхнулся:

«Дьявол! Уже и двойная доза не помогает!»

Шум за дверью плеснул в тлеющие угли раздражения изрядную порцию горячего. Весельчак, которому он доверил жизнь, коротал скучную ночь под слащавые хиты модной радиостанции, и видимо увлёкшись зажигательной мелодией, гнусаво подпевал, пристукивая ногой в такт кислотному ритму.

«Третьи сутки, как я нанял новую службу. Опять придётся гнать вон. Подобного меломанства в рабочее время прощать нельзя. Меня убивать будут, а этот танцор и не заметит. Какое сегодня число? Ах, да. Двадцать восьмое.»

Всплывшие из памяти цифры перекосили лицо Юрия Николаевича в страдающую гримасу.

«Неужели от этого мне не избавиться никогда? Почему до сих пор вспоминается ошибка, допущенная девять лет на-

зад? Ведь у меня не было другого выхода. Где же справедливость?

Сон медленно заволакивал разум липкой слабостью, делая Бахарева уязвимым. Из потемок души, осторожно убедившись в беззащитности жертвы, показалась совесть и отмела жалкие оправдания:

– Говоришь, выхода не было? Не смейся, а то в цирке скоро нечего будет делать. Ты прирожденный клоун, Юра. Гадкий, подлый Арлекин.

Бахарев застонал. Тяжелые воспоминания сдавили грудь и требовали ответа.

– Не мог же я тогда на суде встать и заявить, что знаю обвиняемого. Меня бы тоже закрыли. Разве не глупо?

Советь с готовностью поддержала беседу.

– Глупо? А бросить друга, предварительно его подставив, – не назовёшь ли это умилительным? Невинной шалостью, чтоб у других не оставалось сомнений в твоём уме? Сегодня ты превзошёл самого себя, лицедей!

– Зачем садиться в тюрьму обоим? – не сдавался Юрий Николаевич. — Кому от этого стало бы легче?

Лучше бы он промолчал. Ответ заставил тело вздрогнуть.

– Ты знаешь кому. Он промолчал тогда, но значит ли, что простил?

– Как это понимать? Думаешь, он станет мстить?

Совесть многозначительно кивнула.

– Хорошо, пусть месть. Но я готов. У меня другая фами-

лия, я поменял город, не выхожу без охраны. К тому же, впереди ещё пять лет.

– Ну-ну..., – нарочито ободряюще произнесла совесть, – клоунада продолжается... – и, сорвавшись дьявольским хохотом, исчезла...

Проснулся Бахарев в холодном поту и первым делом заглянул в соседнюю комнату. Телохранитель, развалившись на диване, мирно похрапывал. Из динамиков магнитолы доносилось шипение.

– Встать, паскуда!

Ничего не понимающий молодчик попал под град чувствительных оплеух и терпеливо выжидал, когда ярость хозяина утихнет. От злости Бахарев задыхался:

– Вон... из моего... дома... сучьё!

Немедленно дав указание секретарю заняться вербовкой новой команды, он тщательно вымыл руки, успокоил прохладным душем нервный тик и побрел в спальню жены.

Седьмой год Юрий Николаевич держал в плену домашней крепости очаровательную супругу. Волшебный покров любви сполз в их браке настолько быстро и решительно, что женщина и не заметила, как из вожделения превратилась в заурядную домработницу. Вспыхивающая в ней гордость издевалась ночными слезами и тихими стенаниями, но из-за любви к детям она продолжала покорно терпеть неволю и муки. Материнский инстинкт на каждое новое издевательство выдвигал контраргумент, заставляющий её проглатывать оби-

ду и сносить оскорбления. Дочерей супруг обожал. Он собирался дать им все, что только могут деньги – образование, удачное замужество, карьеру – то, чего не могла дать она.

«Потерплю. Я не имею права думать только о себе. Мои девочки не в чем не виноваты и им только ещё предстоит жить», – магическая фраза, часто произносимая про себя, вливалась в Галину новые силы.

Застав жену перед зеркалом, Бахарев вскипел

– Ты что, приживалка, не знаешь который час? Через двадцать минут девочкам подниматься в школу, а ты любишься тут своей рожей. Займись завтраком, и если дети опоздают хоть на минуту, я тебя выпарю!

Пряча пышущий ненавистный взгляд, Галина вышла из комнаты. Супруг убедился, что приказ немедленно подвергся исполнению и заглянул к дочерям. Их спокойный сон вернул хорошее расположение духа и Юрий Николаевич, уже улыбаясь, направился в приемную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.